

Глава 1. Размышления ветерана Русского Движения

1. Постановка вопросов

Эту книгу я пишу для себя. Сказанное отнюдь не означает, что автор категорически отказывается от возможности увидеть ее напечатанной. В конце концов, наш первый, чисто литературный опыт, роман «Перекресток» тоже писался для себя. Читавшие его в черновике знакомые, близкие к спецслужбам, однозначно утверждали, что эту книгу напечатать невозможно. Что это опасно для автора, спонсоров, издателей.

Но роман опубликован. Нашлись и спонсоры и издатели. А публикация прошла без громких скандалов. Впрочем, об этом несколько позже.

А пока вернемся к вопросу о книгах, написанных для себя. Причин для создания таких книг много. И, более того, для каждой книги такого рода, даже у одного и того же автора имеются совершенно разные причины. Я тоже писал «Перекресток» по одной причине, а эту книгу пишу совершенно по другой.

В данном случае я сам хочу разобраться в тех вопросах, которые меня волнуют. И ответить на которые, вот так, с ходу, я не могу сам себе. Поэтому, как профессиональный ученый я решил поразмышлять надо всем этим, как говорится «с бумагой и карандашом».

Записать то, что называется «мыслями вслух». Повторяю и подчеркиваю, это именно мысли вслух. Не планы и не призывы. Я размышляю над прошлым, где были и планы, и призывы, и практическая борьба. Мысленно представляю возможные альтернативы. Но никому ничего не предлагаю. Ибо «Колея это только моя. Выбирайтесь своей колеей», — как великолепно сформулировал эту идею Владимир Высоцкий.

Впрочем, возможно, некоторые вопросы, важные для меня, волнуют и кого-то другого. В этом случае, если книга будет все-таки опубликована, она вызовет интерес и у определенного круга читателей. Но я прошу таких читателей относиться к моим выводам, как к поводу для собственного размышления, а не как к руководству к действию. Даже в тех случаях, когда автора будет «заносить» на пророческий тон.

Кстати, о читателе. Парадоксы читательского интереса к моим предыдущим книгам это одна из причин, по которой я пишу сейчас для себя. Дело в том, что мои книги издавались в т.н. «патриотических» (хотя это определение и не совсем точно) издательствах. И распространялись по соответствующим каналам.

И, надо прямо признаться, не вызвали особого интереса у публики. Точнее той публики, на которую ориентированы данные издательства и данные распространители.

Зато я видел экземпляры своих книг, буквально зачитанные до дыр читателями далеко не политизированными. К которым эти книги попали совершенно случайно. Я беседовал с некоторыми читательницами, которые искренне плакали над моим «Мироповоротом», и говорили, что ничего более сильного они не читали последние лет десять.

Так кто же мне ближе? Те, кто читают мои книги с интересом и душевным трепетом, для кого они являются откровением, или те, кто лениво отбрасывает их и в сотый раз перечитывает откровенную полуграмотную бредятину, которой заполнены прилавки наших «патриотических» лотков?

Вопрос риторический. Разумеется, первые мне гораздо ближе вторых. Но тогда возникает уже вопрос далеко не риторический. А с теми ли я был в своей общественно-политической активности на протяжении последних почти тридцати лет? За те ли идеалы я боролся?

И эти вопросы возникают не только у меня. Масса весьма достойных людей, которые участвовали в последние десятилетия в т.н. Русском Движении разочаровались в нем. Я уж не говорю о тех, кто перегрыз друг другу глотки и вдрызг разругался с бывшими соратниками, попросту не поделив скудеющие спонсорские средства.

Но не о них сейчас речь. А о тех, кто боролся за свои идеалы, жертвуя чем-то (отнюдь не обязательно жизнью и здоровьем, но хотя бы временем и деньгами), а не делал из политики профессию. Весьма непыльной, кстати.

Откровенно говоря, эту публику «профессиональных борцов» я искренне презираю. По моим наблюдениям большинство из них социально и профессионально не состоявшиеся типы, нашедшие себя «в борьбе», потому что в других сферах они полностью не состоятельны и не могут элементарно заработать другим трудом.

Единицы среди этой публики не соответствуют данной характеристике. В том числе несколько моих самых близких политических соратников, которых я не хочу упоминать здесь, ибо знаю какой вой в «тусовке» может вызвать моя книга. И упоминание здесь может им попросту повредить. Так что, извините, друзья мои, сказанное к вам не относится.

Но, во-первых, исключения лишь подтверждают правила. А, во-вторых, уж вы то, дорогие мои, знаете о ничтожестве ваших «коллег» лучше меня.

И не можете не согласиться со мной, что это люди бесперспективные. Особенно сейчас, когда их уже не поддерживает искренне и бескорыстно масса активистов среднего и нижнего звена. И когда политически активная массовка Русского Движения атомизирована до предела. А рассосредоточенные массы уже массами не являются. И их политический вес равен нулю.

Но вот для этой самой массовки и этого самого актива, к которому принадлежу и я, весьма желательно разобраться в ряде вопросов.

В такой ситуации можно сказать, а что же ты сам, дорогой товарищ, к чему-то призывал в своих книгах и статьях, а теперь что же, признаешься, что звал, не зная сам, куда? В том то и дело, что я не разочаровался в своем мировоззрении и в своих идеалах.

Но серьезно задумался, с теми ли соратниками и против тех ли противников я за эти идеалы боролся? Не свои взгляды, изложенные в моих книгах, я подвергаю сомнению, а свою практическую политическую активность.

И в этом я не одинок. Просто массовым стало среди членов Русского Движения то, что можно назвать «разочарованием в вождях». Но, задумайтесь, дорогие соратники и единомышленники, только ли в вождях дело? А может, все гораздо серьезнее? Вожди не возникают на пустом месте. Облик вождей не может не соответствовать в целом облику ведомых. Следовательно, для нас (я сейчас имею в виду тех, кто так или иначе или разделяет мои взгляды, или, хотя бы, с интересом к ним относится) стоит внимательнее присмотреться не только к дискредитировавшим себя вождям, но и к значительной части соратников, к союзникам и противникам.

И, забегаю вперед, скажу прямо, большинство этих соратничков просто враги. Прямо как у Высоцкого: «А народишко, каждый третий враг». А если не враги, то безграмотные дураки. Но, дурак, как известно, опаснее врага.

Для многих из тех, кто пришел в Русское Движение бороться со свинцовыми мерзостями ельцинского режима (я не говорю сейчас о тех немногих весьма достойных людях, которые начали борьбу за Русское Дело еще в советское время) ситуация напоминает известную японскую сказку.

К некоему одинокому дровосеку в хижину заявляется гость, оказывающийся злым колдуном. Отличительной чертой этого колдуна является присутствие двух лишних глаз на ... ноге.

Дровосек обманывает колдуна и бежит от него, куда глаза глядят. И, наконец, видит большой костер и довольно много людей вокруг него. Он с облегчением подходит к костру, где его доброжелательно встречают и поят горячим чаем (а может и подогретым сакэ, подробностей не помню). Он расслабляется и рассказывает людям свою историю.

«Знаете, у него были глаза на ноге!», — восклицает он, характеризуя колдуна.

«Какие глаза, вот такие?», — спрашивает один из сидящих у костра и закатывает штанину. И показывает ошеломленному дровосеку свою ногу, сплошь покрытую глазами.

Такая вот страшенькая сказочка.

Ничего она вам не напоминает, дорогой мой единомышленник? Не так ли и мы, не приняв сволочной режим «молодых реформаторов», оказались среди монстров, которые, возможно, гораздо хуже (во всяком случае, глупее и безграмотнее, это точно).

Впрочем, вопрос риторический. Сейчас, когда многие из этих «патриотов» лижут зад Кремлю, сказывается их истинная сущность. И понимают ведь, что будут даже в случае успеха своей лакейской деятельности только «старшими помощниками младших дворников», но все равно. Лижут зад законным наследникам ельциноидов. Которые от одного наследства не отказались. А просто кинули кусок сволочам в погонах. И те радостно завизжали у корыта с незаслуженной жратвой о «возрождении величия России». И этот визг подхватили политические проститутки, обслуживающие господ в погонах.

Политические проститутки, сами понимаете, кто. Наши с вами бывшие соратнички.

Что же нам в этом случае делать?

Если не знаешь, что делать, лучше ничего не делать вообще. И как минимум просто уйти из активной общественно-политической деятельности в «национально-патриотическом» секторе.

И, конечно же, разобраться, подумать на досуге, в результате каких ошибок и заблуждений мы оказались в компании с этой сволочью. Это важно по двум причинам.

Первая. Просто интересно проанализировать свои собственные ошибки. Провести, так сказать, «разбор полетов». Может быть просто в качестве «гимнастики ума».

Это полезно для нашего же собственного душевного здоровья. Ибо проблема

осознанная значительно меньше мучает нас.

Вторая причина гораздо важнее. Дорогие единомышленники, говорю вам как прогнозист и аналитик. Этот режим рухнет. Эта страна (повторяю сейчас ненавистных мне реформаторов, но не могу назвать своей нынешнюю дебильную Путляндию) развалится. В такие времена выигрывает тот, кто играет.

Но играть в одиночку бесперспективно. Гораздо более целесообразно собираться в стаи. Но успех стаи зависит от согласованности действий. В условиях анархии и хаоса нельзя создать дееспособную стаю методами бюрократическими, методами армейскими. Стаи создаются единомышленниками, которые на первых порах должны понимать друг друга «без команды».

Значит, надо уметь отличать «своих» от «чужих». А это не так просто. Тут в двух словах не скажешь, как надо создавать такие стаи.

Зато можно сказать, как не надо создавать стаи. И это тоже важно. Тот, кто не тратит время на бесперспективные действия, уже выигрывает. Выигрывает время. Столь дорогое, даже бесценное в условиях кризиса.

Так вот, дорогие неизвестные друзья, весь опыт т.н. «национально-патриотического» движения, это опыт того, как не надо создавать стаи. Как можно сэкономить силы и время, с ходу отказываясь от предложений и призывов, в которых содержатся некоторые ключевые слова, свидетельствующие о никчемности людишек, их произносящих.

Я не призываю вас быть теми, кто оболванивает. Но хотя бы не будьте теми, кого оболванивают.

А собственно, кого я сейчас убеждаю? Ведь, скорее всего, эта книга так и не будет издана. Я убеждаю сам себя. Никаких компромиссов с собственными убеждениями. Никаких аргументов «для пользы дела». Нет у меня никаких общих дел с этой юродской

или фашистской сволочью. С этими политическими проститутками на «субботнике» у обладателей разноцветных погон.

Нет у русской нации врагов больших, чем все эти носители погон, страшные только для собственного, расчетливо обезоруженного ими же самими, народа, но такие никчемные в противостоянии с реальными противниками. И нет у русской идеи более опасных оппонентов, чем выразители интересов откровенного гнилья в составе самого русского народа.

Только очистившись от человеческих отбросов можно говорить о создании нации. И только ради процветания такой «очищенной» нации стоит бороться и умирать.

Ну, вот. Вопросы сформулированы. Оказывается надо решить, какие идеи являются идеями быдла, гнилья и ничтожества. Какие идеи являются идеями деградантов. Не важно, говорят ли они с тобой на одном языке, или нет.

В этом основная задача данной книги.

В итоге же нашим изучением будут охвачены следующие темы, которым будут посвящены приведенные эссе и сборники статей. Христианство, претендующее на главенство в идеологии русского сопротивления. Мнимая «враждебность» еврейства и государственничества. «Советский проект», характеризующийся истерическим призывом «назад в СССР». «Русский национализм» в том виде, в котором он наиболее широко представлен неосведомленной публике, и который не имеет ничего общего с национализмом. Во всяком случае, русским.

И, наконец, наше видение возможного выхода из нынешнего тупика. Сразу подчеркнем, выхода для русского народа, но не для российского государства.

Ибо это государство _ главный враг русского народа. Это не наши домыслы. Нынешний «воссоздатель» недобитой империи прямо сказал, что те, кто провозглашают лозунг «Россия для русских» «идиоты, либо провокаторы».

Ну, а мы отвечаем этому хозяину Кремля, что нам «Россия не для русских» просто не нужна. Тем более нам не нужна, «Россия без русских», которые начали вымирать после его воцарения в Кремле еще интенсивнее, чем при Ельцине.

2. Воспоминания о начале пути

Автору рановато писать мемуары. Тем более, что их обычно пишут бывшие большие начальники, к которым мы не относимся. Но в то же время полезно вспомнить отдельные моменты, как сам «дошел до жизни такой».

Это полезно в первую очередь для себя самого. Но может оказаться занятным и тому, кто проявит интерес к этой нашей книге. Либо тем, кто проявлял интерес к нашим предыдущим литературным или публицистическим работам.

Итак, с чего же начать воспоминания ветерана Русского Движения, политического и идеологического течения, которое оппоненты называют фашистским?

Разумеется, с фашизма. С его проявлений, как говорили в веке XIX «в русском быту».

Кому-то может показаться странным, но «идеи фашизма», были после победы над ним весьма популярны ми среди русского народа, фашизм победившего и столь много от фашизма пострадавшего. Я не могу сказать обо всех поколениях и обо всех регионах страны. Но в среде мальчишек московских окраин моего поколения, рожденного в конце 1940-х и начале 1950-х, было весьма много «любителей фашизма».

Надо подчеркнуть, что это были обычные мальчишки из простых семей, чьими родителями были бывшие фронтовики или люди реально пострадавшие от войны.

Разумеется, теперь, с высоты своих лет и опыта, я понимаю, что это было не увлечение идеями фашизма, расизма или национализма, которых никто толком не знал тогда. Тем более мальчишки и подростки с московских окраин.

Это было увлечение эстетикой нацизма. Его стилем. Возможно, это стремление «обрести стиль» выливалось в такие формы потому, что собственная страна патологически не могла предъявить именно свой стиль. Поразительно, но, даже умудряясь иногда достигать реальных успехов в некоторых делах, СССР был удивительно бесплоден в создании того, что можно назвать стилем. Все-таки, вопиющая серость это не прерогатива «Единой России». Серость верхов и навязываемого ими образа жизни (причем образа жизни, не только бедных, но и богатых, которые умудряются сотворить серость даже в роскоши) была присуща нашей стране, как минимум, с 1917 года. А, скорее всего, и гораздо раньше.

Так что создать стиль страна не может и по сию пору. Именно поэтому многие во времена СССР (хотя отнюдь не большинство, но часть весьма значительная) обретала стиль, подражая как раз отрицательным героям советских книг, и особенно фильмов.

Восхищались «потенциальным противником», то есть Америкой в 1960-х, 1970-х и 1980-х., подражая манерам их «нехороших мерзавцев» и их обворожительных подруг. Восхищались белыми офицерами, красиво идущими в психическую атаку, из фильма «Чапаев». И с тоской пели якобы «белогвардейские» романсы. Восхищались и лощеными офицерами немецких спецслужб из фильмов о войне. Кстати, когда в 1970-х взрывной успех получил сериал «17 мгновений весны», многие серьезные критики уже в 1990-х обращали внимание на то, что значительная часть этого успеха объясняется тягой ко все той же притягательной эстетике нацизма, столь выразительно показанной в этом фильме.

Курьезно, но такое увлечение «врагами» идет параллельно с глумливым осмеянием тех, кого «приказывают любить». Так, восхищаясь каппелевцами из «Чапаева», рассказывают анекдоты про самого Чапаева, в которых он предстает откровенным дебилом.

И подражая немецким офицерам в манерах, рассказывают анекдоты о дебилизме своего собственного русского народа. Во времена моего детства это были анекдоты про «Ванте и Манте». Причем рассказывали их не некие «Шендеровичи по ТВ по указкам из Нью-Йорка и Тель-Авива», а дети русских пролетариев из Новоподмосковных бараков друг другу.

Здесь стоит, кстати, заметить, что неприятие казенного в крови у русского народа. И это имеет весьма глубокие корни, о чем мы скажем позже, а пока лишь остановимся на констатации данного факта. Но народ русский достаточно сильно запуган и задавлен. И в данной ситуации упомянутое неприятие по большей части не выливается в формы политические.

Но если появляется возможность проявить его в неполитической форме, это неприятие непременно проявляется. В данном случае если появляется некая притягательная эстетика, чуждая официозу, ей увлекаются и в силу тоски по стилю в условиях засилья казенной серости, и в силу возможности продемонстрировать неприятие этого государства таким относительно безопасным способом.

Именно этим, например, можно объяснить феномен Высоцкого, который был не просто популярен. Он предъявил свой собственный стиль, и, не говоря ничего прямо, яростно отвергал официоз. И подавляющее большинство народа приняло его чуть ли не как пророка. Что бы не шипели по его поводу иные казенные «патриоты», не добившиеся и сотой доли его славы.

Впрочем, мы отвлеклись.

Итак, достаточно массовое увлечение фашизмом я мог наблюдать с самого раннего детства. И, по логике вещей, должен был бы сейчас признаться, что сам был среди почитателей нацистской эстетики и рисовал свастики на стенах.

Увы, я этого не сделаю. Ибо данное увлечение обошло меня стороной. Фашизм был мне глубоко безразличен. И даже скорее неприятен. Что, впрочем, не мешало мне и весьма прохладно относиться к действительности в стране «избавившей мир от фашистского чудовища».

Написавши слово «неприятен», я, задним числом, удивился поразительной точности этого определения своих чувств. Именно так. Я не испытывал к немецкому фашизму яростной «пионерской» или «комсомольской» ненависти. Которую, надо признать, испытывали многие. Ибо отнюдь не все увлекались «альтернативной эстетикой врагов».

Но, не испытывая ненависти, я испытывал некое брезгливое чувство, которое, надо сказать, с годами не убывало. Оно присутствовало у меня даже тогда, когда в середине 1990-х меня однажды назвали «самым интеллектуальным фашистом России».

Сейчас довольно многие активисты Русского Движения не скрывают своего увлечения фашизмом. Мы поговорим об этом явлении несколько позже. Здесь лишь уместно будет отметить, что многие из этих деятелей в узком кругу не прочь заявить, что были нацистами (или фашистами, хотя это и довольно различные ветви правого радикализма) чуть ли не с детства или юности.

Я прямо заявляю, что, в отличие от них, фашизмом и нацизмом никогда не увлекался. А национал-социализм считаю идеологической химерой. О чем прямо писал в своей книге «Свои и чужие», рассматривая эту доктрину в главе с красноречивым названием «смесь бульдога с носорогом».

Более того. И фашизм, и нацизм только дискредитируют здоровый национализм. Впрочем, идиотам, рисуящим обратные, т.н. «немецкие» свастики, и одновременно готовым лизать зад интернациональной кремлевской братии (большой части которой, если следовать нацистским кумирам этих идиотов, место в концлагерях) доказывать что-либо бесполезно.

Мой национализм формировался постепенно, органично, и вполне рационально. Без нацистской истерии.

По первому образованию я геолог. И много ездил по СССР. Работал и в Средней Азии, и на Кавказе. Да и до того, в детстве, много раз бывал на Кавказе с родителями, которые любили там отдыхать (до сих пор не понимаю, что они там нашли).

В результате этих поездок, на отдыхе ли, на работе ли, у меня сформировалось стойкое отрицательное отношение к кавказцам и азиатам. Но я отнюдь не хотел завоевывать или переделывать их. Просто я понял, что жить вместе с ними в одном государстве не хочу. Россию русским, Кавказ кавказцам, Азию азиатам. Каждому свое.

Примерно так формулировал тогда я свои взгляды. При этом чисто эмоционально особое неприятие у меня вызывали кавказцы. Ибо и азиаты, и кавказцы по моим наблюдениям в массе своей (хотя есть исключения, лишь подтверждающие правила) отличаются варварством, разгильдяйством и бытовой хитростью. Однако, варварство и разгильдяйство у азиатов компенсируется скромностью, выносливостью, честностью и, вопреки расхожему мнению, весьма малым коварством. Они хитры, но не коварны. Как говорят на ТВ «почувствуйте разницу».

Между тем, как кавказцы по моим наблюдениям кроме варварства и разгильдяйства, еще и агрессивны, жестоки до предела, коварны, капризны, не надежны и поразительно амбициозны при весьма скромных реальных талантах. Исключением из этого «общекавказского правила», являются, пожалуй, только некоторые армяне — трудоголики.

Не исключаю, что, возможно, я ошибаюсь, и мне просто не везло в общении. Но свои взгляды я строил исходя из своего личного опыта. При этом надо добавить, что все эти выводы (и я понимал это всегда) верны в рамках закона больших чисел. Не устану повторять, что из этих правил есть исключения. Причем, очень яркие. И они тоже встречались мне. Но почему-то этих людей я воспринимал именно как отдельных личностей, а не представителей лей их этносов. И я испытывал признательность и уважение к ним лично, сохраняя негативное отношение к соответствующим этносам.

В этом же ряду стоят и блестящие мусульманские аристократы духа, перед которыми я преклоняюсь, но которые встретились мне довольно поздно, когда мои взгляды уже были сформированы другими представителями этой общности.

Не стану также призывать кого-либо разделить мои взгляды. И еще раз повторю Высоцкого «Колея это только моя. Выбирайтесь своей колеей». Тем более, что сейчас я говорю о тех взглядах, которые сформировались у меня к концу 1970-х годов. Взглядах конкретного человека с конкретным жизненным опытом. Взглядах, которые тогда еще не были политическими, а были, что называется «бытовыми».

И это было то, что называют «бытовым национализмом» в чистом виде.

Интересно, что из моего тогдашнего личного опыта совершенно не следовал антисемитизм. С «еврейским вопросом» лично я столкнулся, учась на Механико-математическом факультете МГУ, на вечернее отделение которого, я поступил, желая получить второе высшее образование.

Мех-мат, как известно, является одним из самых трудных факультетов МГУ. И, если рассматривать его как отдельный ВУЗ (а факультеты МГУ это большее, чем иной самостоятельный институт), то этот ВУЗ можно было назвать самым трудным в СССР. Например, из нашего потока не смогли справиться с трудностями и бросили учебу многие, даже закончившие такие солидные институты, как МИФИ.

И в такой ситуации максимального интеллектуального напряжения особенно остро ощущались все мелочи, имеющие отношение к учебе. В частности, было очевидно явно комплиментарное отношение евреев преподавателей к евреям студентам. И весьма строгое их отношение к студентам иных национальностей.

Это было обидно. Но мне, откровенно, было на это наплевать. Я пошел на Мех-мат за знаниями, а не за оценками в дипломе.

Однако, в это же самое время сложилась весьма драматичная ситуация в нашей семье. Мой отец по долгу службы (он тогда был начальником отдела научной информации НИИ Механики МГУ) пытался воспрепятствовать передаче за рубеж одной очень важной разработки.

Осведомленный читатель наверняка слышал о торпедо «Шквал». Эта чудо-торпедо способна идти к цели со скоростью до 400 км/час. Так вот, так до сих пор не принятая на вооружение, эта торпедо построена далеко не на самой оптимальной реализации одного принципа, характеризующего возможности движения тел в воде. Гораздо более результативное изделие было создано и испытано еще в 1979 году (кстати, скорость подводного хода модели тогда достигла на натурных испытаниях в Севастополе 450 км/час).

При этом создатель подобного чуда ставил себе задачу сделать не только сверхскоростную торпеду, но и сверхскоростную подводную лодку. Чего сейчас сделать даже не пытаются.

Даже дилетанту очевидно, какая революция в военно-морском деле последовала бы в случае реализации данных задумок. И кто бы стал «хозяином океанов». Им бы стал первым принявший все эти изделия на вооружение.

Однако, некая группировка, прямо скажем научно-мафиозная, по своим соображениям решила разработку и внедрение этого изделия блокировать. И одновременно вывезти (не без выгоды для себя, любимых) основные ноу-хау за рубеж. Отцу было «за державу обидно», и он попытался блокировать эти замыслы, поддерживая создателя упомянутого изделия в его борьбе с упомянутым научно-мафиозным кланом.

В итоге борьба закончилась с нулевым счетом. Ноу-хау за рубеж не вывезли, но и в СССР не внедрились. Создатель умер от инфаркта. А отец был уволен. И на старости лет снова стал простым инженером, скатившись с довольно высоких ступенек карьерной лестницы.

К тому времени я закончил Мех-мат, но, несмотря на два высших образования, зарабатывал мало. Крах отцовской карьеры подорвал финансовое положение семьи, и мы с младшим братом вынуждены были помимо наших основных занятий еще и пойти подрабатывать дворниками.

Причем здесь евреи? _ спросите вы. Да при том, что этот научно-мафиозный клан состоял из евреев и еще нескольких «других инородцев». Справедливости ради, надо отметить, что им помогало несколько русских адмиралов. Которых научные мафиози пообещали за это сделать докторами наук

Читатель, ты заметил, как скучно и буднично я пишу об этом эпизоде? Это для того, чтобы собственными эмоциями не помешать твоему собственному восприятию этих событий.

Делай выводы сам.

А я расскажу, какие выводы сделал я.

Во-первых, я возненавидел еврейскую мафию. И это сделало мой бытовой антикавказский национализм политическим убеждением, распространявшимся на всех инородцев без исключения.

Во-вторых, я стал искренне презирать это «могучее государство», которое не в силах защитить свои интересы от сплоченной неформальной группировки. Это гнилое государство, которое, несмотря на своих «могучих» силовиков и «всесильное» КГБ, не может даже пальцем пошевелить в собственную защиту. И если бы не усилия моего отца вообще бы просрало такое ноу-хау, после получения которого США может быть и подумали еще, начинать эту «перестройку» или просто стереть с лица земли своего тупого противника.

Так я стал убежденным националистом. Национал-популистом и антигосударственником, дополнил бы я теперь. Но тогда я этого еще не понимал. И просто начал искать возможности реализовать свои взгляды. Такие возможности вскоре представились. Я стал участником неформального кружка молодых ученых, которые на добровольных началах помогали бороться с проектом переброски северных рек в Среднюю Азию.

Про этот проект Г. Киссинджер (или З. Бжезинский, сейчас точно не помню) сказал: «Раздавленная 400-миллиардным бременем авантюры переброски Россия рухнет без наших ракет» (кстати, сейчас эту авантюру пытается реанимировать Ю. Лужков, что характеризует его исчерпывающим образом).

Что характерно, сама переброска была не нужна ее лоббистам. Просто они рассчитывали украсть миллиардов 40. А для обеспечения этого бессмысленно зарыть в землю остальные 360 миллиардов. Что соответствовало обычной практике того сволочного министерства. Да и теперешних «великих строителей» желающих повторить опыт своих предшественников из совка.

А тогда мы частным образом выполняли практически работу нескольких институтов и помогали группе писателей и ученых аргументировать в директивных органах борьбу с этой авантюрой. Которую лоббировали кавказцы (во главе с зам главы Минводхоза Полад-Заде), азиаты и евреи.

Тогда мы выиграли.

Но наши противники насторожились. И именно тогда началась под руководством небезызвестного «прораба перестройки» А. Яковлева борьба с «русским национализмом».

А наша группа влилась в только что созданное общество «Память».

Но это уже совершенно другая история. Ибо «Память» очень быстро деградировала. Венцом этой деградации стал приход к руководству «Памятью» небезызвестного фотографа Д. Васильева. При котором это общество не сделало уже ничего реального. А стало просто группой политических клоунов, дискредитирующих Русскую Идею. И, кстати, питомником политических провокаторов, из которого выросли почти все известные «русские фашисты», начиная с самого одиозного из них, создателя РНЕ А. Баркашова.

Меня к этому времени в этом гадюшнике уже не было. Но я надеялся, что наш опыт позитивной борьбы за русские интересы, который мы получили в борьбе против проекта переборски, еще получит свое развитие.

Тем более, что уже началась перестройка и то, что раньше не могло быть политически оформлено, теперь имело шанс на реализацию.

3. Парадоксы борьбы

Во второй половине 1980-х годов я несколько отошел от активной политической борьбы, хотя и входил во многие интеллектуальные кружки, так или иначе поддерживающие Русскую Идею. Это было вызвано чисто семейными и рабочими обстоятельствами.

У меня были маленькие дети, и я работал над докторской диссертацией.

Не скрою, что перестройку я встретил с известным оптимизмом. Впрочем, весьма значительная часть будущих национал-патриотов вообще были активистами борьбы с КПСС. На этой волне сделали свою карьеру С. Бабурин, А. Павлов, И. Константинов, В. Астафьев. И что бы они потом не говорили, очевидно, что без перестройки, в советской системе, они бы никогда не сделались политиками.

Впрочем, в такие времена невозможно оставаться вне политики. Или ты участвуешь в ней, или она заставляет тебя вспомнить о своем наличии. В 1989-м году на волне открывающихся возможностей я начал заниматься инновационным бизнесом.

Дела пошли весьма успешно. Однако в 1990-м году в новом «демократическом» Госкомприроды России я получил весьма хороший урок. Мои разработки, имеющие отношения к информационному обеспечению управления природопользованием обсуждались на экспертном совете этого ведомства. Открывались блестящие перспективы для внедрения. Портфель заказов превышал 60 миллионов рублей. Даже по спекулятивному курсу 10 рублей за доллар это составляло 6 миллионов долларов.

И прямо на заседании экспертного совета в официальной обстановке при свидетелях, мне было откровенно сказано: «Кто же вам позволит заработать такие деньги».

Именно так. Не украсть, а заработать. Эта еще весьма слабая государственная машина «новой» России уже не позволяла заработать!

Эта гадина никому не мешала красть. Но вот заработать уже не позволяла. С тех пор моя ненависть к этому государству еще больше усилилась. Усилился и национализм. Ибо в этом экспертном совете «экологического» ведомства я увидел все те же рожи из признанного всеми одним из самых антиэкологических министерств, союзного Минводхоза!

Эти губители природы мигом преквалифицировались в ее «защитников». Разумеется, многие из них были «демократической национальности».

Особенно оскорбило меня поведение полуграмотных чинуш. Эти человекообразные скоты из черножопого Минводхоза смели «экспертировать» мои разработки. Разработки доктора технических наук, имеющего два диплома МГУ.

После того случая мой бизнес начал медленно хиреть. И окончательно заглох уже в 1994 году.

1991 год я встретил в личных делах и заботах. И в известных событиях, так всколыхнувших тогда всю страну, участия не принимал. Но развалу интернационального СССР радовался. Сожалел только, что тогда же под шумок от России не отвалились еще и дотационные регионы Северного Кавказа, которые я считал откровенными паразитами, зная об их «экономике» по работе в системе Госплана СССР.

Надо сказать, что гайдаровский шок мало коснулся нашей семьи. На улучшение своего материального и социального положения я не надеялся. Но и ухудшения не произошло. Ибо бизнес продолжал приносить кое-какие доходы. А кроме того, на работу после достижения младшей дочерью трехлетнего возраста, вышла жена. И это тоже несколько улучшило наше материальное положение. Так что, в чисто материальном плане я не проиграл и не выиграл. Остался, так сказать, при своих.

Так что шкурного интереса в борьбе с Гайдаром у меня не было. Но дело в том, что я лично знал и Гайдара, и Авена, и Лопухина, и Данилова-Данильяна по работе во Всесоюзном институте системного анализа АН и ГКНТ СССР (в конце 1980-х АН и Госплана СССР). Все эти деятели вошли тогда в состав правительства Гайдара. Я прекрасно знал цену им и как ученым, и как людям.

Знал пикантные подробности защиты Гайдаром его докторской. Знал никчемность этой номенклатурной золотой научной молодежи по опыту общения с ними на работах в колхозе, на овощной базе, в народной дружине.

Я не сплетник, и не буду рассказывать всего того, что я знаю. Поверь на слово, читатель, таких деятелей я бы не взял не то, что в правительство, но даже уборщиками в бордель. В качестве иллюстрации приведу только один тезис из докторской диссертации «ученого» Гайдара о «недопустимости социального расслоения в период экономических реформ».

Когда же этот деятель врал самому себе, в своей докторской, или затевая шоковую терапию, столь явно противоречащую тезисам недавно защищенной диссертации? Впрочем, скорее все же в докторской. Ибо чего спьяну не брякнешь. А пил в то время Егорушка крепко. Даже по меркам России пролетарской. Ибо даже пролетариев на овощной базе и в колхозе, а также далеких от святости ментов он не раз поражал своими подвигами на алкогольной ниве.

И я просто ужаснулся, что же станет со страной, в которой предстоит жить трем моим детям. Это чувство было сродни чувству человека, оказавшегося в машине, управляемой сумасшедшим пьяным шофером. И поэтому я начал быстро искать возможности борьбы. Первым мне попался на глаза Русский Собор, начавшийся организовываться, если мне не изменяет память, в феврале 1992 года.

Не раздумывая, я снял со сберкнижки все имеющиеся деньги, оставив там только тысячу рублей. А остальные принес в Собор. Собственно, ничего большего я не планировал.

В моем поступке не было ничего особенного. Когда я сдавал деньги, то стал свидетелем того, как приносят в Собор средства гонцы из регионов. Приносили и сдавали портфели и небольшие чемоданы с собранными простыми людьми пятерками, трешками, десятками.

Это были именно народные средства. И я не побоюсь показаться сентиментальным, но тогда у меня сжало горло. Я почувствовал себя частью единого великого народа. Народа, осознавшего свою общность не из-под палки, а добровольно. На основе голоса крови, сердца и разума.

Сдав деньги, я хотел уйти. Но меня пригласили в секретариат руководства Собора и после беседы предложили работать. Мне очевидно сейчас, но было ясно и тогда, что в

ОТЧЕТ РУССКИМ БОГАМ

Автор: Петр Хомяков
10.05.2014 01:45 -

то время в этой организации, которой руководили в основном бывшие чиновники и силовики, было мало представителей интеллигенции (не могу применить другой термин, хотя слово это недолюбиваю). Было политически выигранно иметь в Соборе как можно больше статусных интеллектуалов (кстати, потом они появились в большом количестве).

Работать пригласили, разумеется, безвозмездно. На иное я бы, после того, как увидел из чего формируются средства этой организации, просто не согласился бы.

В течение всего 1992 года я активно участвовал в работе Собора. Был избран в состав Думы Собора. Занимался штабной работой, ходил на демонстрации и массовые мероприятия, и параллельно руководил отделением Собора в Южном округе Москвы.

Надо сказать, что в то время Русский Собор действительно вообрал в себя абсолютно все отряды русских националистов. Поэтому я смог в течение неполного года наблюдать все многоцветье этого сектора общественно -политической жизни.

Надо признать, что очень многое меня неприятно поразило почти сразу. Но я последовательно давил в себе любые сомнения. Для пользы дела, как мне тогда казалось. В то же время в Соборе было и довольно много очень достойных людей. И интеллектуалов, и борцов. Общение с ними многое дало мне. И связи с этими соратниками сохраняются до сих пор. Связи весьма продуктивные.

Поэтому я не жалею о днях, проведенных в Соборе. Только за возможность познакомиться и подружиться с этими людьми, можно было бы вытерпеть многие мерзости, о которых я скажу ниже.

Ибо, чем дальше, тем больше в работе Собора стали проявляться, мягко говоря, «отрицательные моменты».

И главным неприятным моментом была патологическая истерическая агрессивность и какая-то песья злобность значительной части «соратников». Причем, агрессивность, направленная не против врагов, а против друг друга.

Особо этим отличалось РНЕ. Мне вспоминается случай на июльском Соборе (говоря нормальным языком, съезде, организации). Тогда один из совершенно рядовых баркашовцев пытался согнать с места академика Шафаревича. «Это кресло занято мною», — нагло заявлял этот молодой хам, когда Шафаревич закончив речь спустился в зал и пытался занять там свое место.

Разумеется, инцидент был улажен. Но в тот же день депутат А. Павлов снова уже с трибуны Собора, привел еще пару аналогичных случаев, и заявил, что баркашовцы «ломают комедию и играют в бдительность, в то время как надо делать реальные политические дела, а не укреплять «охрану» в и так охраняемом зале».

Это хамство эрэнешников имело еще одну ипостась. Оно характеризовало мощную антиинтеллектуальную струю в русском национализме. Создавалось впечатление, что националисты-антисемиты борются не с евреями как таковыми, а с интеллигенцией и вообще с любыми людьми квалифицированного труда. И просто пользуются в своем антиинтеллектуальном хамстве тем, что многие интеллектуалы являются евреями.

У меня иногда появлялось ощущение, что если бы евреев не было, это крыло русских нацистов их бы просто выдумало. Только для того, чтобы иметь возможность громко гавкать на инженеров, врачей, преподавателей.

Этот тезис нашел явное выражение в словах фюрера РНЕ, заявившего как-то, что лица с высшим образованием являются врагами русской нации.

Психологически это понятно. Дремуче тупой фюрер РНЕ при всех своих амбициях так и не смог получить никакого высшего образования. Но эта тенденция отнюдь не ограничивалась личными качествами лидера РНЕ, а имела гораздо более глубокие корни.

Я тогда прямо заявил, что под таким утверждением охотно подпишутся все агенты влияния Запада, стремящиеся лишить Россию ее научного, промышленного и инновационного потенциала. После чего баркашня объявила меня «врагом нации».

Поразительно, но в составе РНЕ было много людей с высшим образованием и студентов. Откровенно издеваясь над ними, я часто спрашивал таких баркашовцев «На каком курсе ты учишься? Ах, на четвертом (третьем, втором). Ну, тогда тебе остался год (два, три) до того, как ты станешь врагом нации, получив диплом».

Забегая вперед, скажу, что через несколько лет, в конце 1990-х я откровенно злорадствовал, наблюдая как баркашовское быдло в буквальном смысле перегрызло друг другу глотки, пытаюсь поделить скудеющий финансовый пирог спонсорской помощи, в которой к тому времени им было отказано.

Но это было потом, а тогда, в начале, РНЕ было весьма богатенькой организацией, пользующейся покровительством и ельцинского МВД и ельцинской администрации. Так, РНЕ получило, например, в начале 1990-х от префекта Центрального округа Москвы Музыкантского право на монопольную торговлю алкоголем и сигаретами на территории округа.

Это было известно всем в Соборе. Можно было спорить о деталях этого «монополизма», но это не меняет дело. «Еврей и демократ», соратник Г. Попова Музыкантский открыл «непримиримым националистам» из РНЕ финансовый шлюз, из которого Баркашову хлынули деньги.

Вообще, финансовые дела Собора и организаций, входящих в него, это отдельная песня. Я очень быстро убедился, что все эти организации и сам Собор существуют отнюдь не на деньги массы таких энтузиастов, как я. Не мои принесенные в Собор тысячи рублей, и не эти портфели с мятыми пятерками и трешками, привезенный из Владимира, Ярославля, Перми, Тулы и т.д. были основами финансового могущества «русских националистов». А некие неизмеримо большие суммы, появлявшиеся неизвестно откуда. Зачастую от «врагов русского народа». И вот за эти суммы шла нешуточная грызня.

При этом до заказных убийств не доходило. Однако заказные избиения конкурентов из собственной среды были нередки. В этой связи мне часто вспоминалась известная фраза лидера Афганистана Наджибуллы, сказанная им на съезде его партии: «Заказные убийства, похищения людей и кровная месть не совместимы с

внутрипартийной (!!!) этикой». Внутрипартийной!

Впрочем, чему удивляться. Азиатчина везде азиатчина. И в Кабуле и в Москве. Мне глубоко безразличен Кабул. Но когда под флагом русского национализма, национализма белого арийского народа, азиатчина укрепляется в Москве, это омерзительно.

Впрочем, азиатчина и не отрицалась руководством Собора. Так, на одном из заседаний Московской Думы Собора его лидер Стерлигов прямо хвастался тесными связями со всеми кавказскими диаспорами Москвы.

Тогда я в первый раз подумал, а туда ли я попал? И если эти холуи, лижущие зад богатеньким кавказским диаспорам, русские националисты, то я явно таковым не являюсь.

Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, стало доходящее до истерии православное юродство. До трети времени всех заседаний актива тратилось на молитвы. Которые вел попик с обликом капитана КГБ.

Почему капитана? – спросит читатель. Да потому, что одним из друзей семьи отца был подполковник КГБ, служивший в аппарате Московской патриархии. И имидж старших офицеров этого ведомства, служащих по церковному департаменту был мне знаком.

Тот соборный попик явно напоминал этих офицеров в подрясниках, но очевидно не дотягивал даже до майора. Поэтому про себя я назвал его капитаном. Ибо не пошлют все же в общероссийскую организацию старшего лейтенанта?!

Итак, с Собором надо было расставаться. Тем более, что к началу 1993 года он уже разваливался сам, утонув во внутренних разборках, дележе имущества и прочих художествах.

Смешно сказать, но буквально все более или менее заметные деятели Собора были по несколько раз объявлены оппонентами «евреями». Я частенько хохотал (правда со злостью), читая в патриотических газетенках обвинения того или иного деятеля Собора в том, что он еврей, а на следующий день в другой газетенке читая аналогичные обвинения в адрес вчерашних обвинителей.

В пору было переименовывать Русский Собор в Российский еврейский конгресс (РЕК). Ибо даже в РЕК не было таких «трижды евреев», как в Русском Соборе.

Дорогой читатель, я рассказывал о своей работе в Соборе, пытаюсь показать ее глазами себя самого, того человека, которым я был в те годы. Политически наивного, жертвенного и активного.

Разумеется, теперь я не удивлялся бы, рассуждая, например, о финансировании политической деятельности оппозиции. Более того, сейчас я понимаю, что в любом ремесле есть свои правила игры. Тогда политического ремесла я не знал. Теперь знаю.

И именно за это знание благодарен Собору.

О Национально-республиканской партии России (НРПР) я знал еще в 1992 году, занимаясь штабной работой в Соборе, куда тогда в качестве коллективного члена входила эта партия.

В документах НРПР меня сразу привлек технократический подход, совмещенный со здоровым буржуазным национализмом. Потом мне попала на одной из демонстраций листовка НРПР с четким антикавказским содержанием. Весьма к месту приводились данные, что более 2/3 всех тяжких преступлений (убийства, грабежи, изнасилования) в России совершается кавказцами. Кстати, эти данные потом ни разу не пытались опровергнуть оппоненты в полемике с НРПР.

Кроме того, я был очарован эстетикой оформления листовки. В НРПР чувствовался стиль. В отличие от серятины иных партий Собора.

Национал-республиканцы были одними из первых, кто покинул Собор. Разгромная критика руководства Собора в газетах национал-республиканцев, тем не менее, никогда не опускалась до пошлых обвинений былых соратников в еврействе.

Она была зла, но умна.

Эта смесь национализма, технократии, и уникальная в то время в среде русских националистов антикавказская направленность была мне крайне близка.

В этой связи достаточно сказать, что это была первая партия, которая провозгласила своей целью отделение Северного Кавказа от России. И это в 1992 году, когда подавляющее большинство «патриотов» еще бредили восстановлением многонациональной помойки СССР!

Я стал искать контактов с руководством НРПР.

Но руководитель партии Н.Н. Лысенко нашел меня сам. И я стал членом НРПР. И был почти сразу кооптирован в Центральный Совет.

Несколько забегая вперед, скажу, что потом наши пути с Николаем Николаевичем разошлись. Он показал себя человеком, абсолютно лишенным морали и чувства товарищества. Но я не питаю к нему никаких отрицательных эмоций. Более того, глубоко уважаю.

Ибо человек не может быть воплощением совершенства во всем на свете. А Н.Н. Лысенко, являясь в то время еще весьма молодым человеком (он лет на десять младше меня, и в то время ему было едва за тридцать), просто гениально, на мой взгляд, основал в России политическое направление технократического русского национализма. Национализма, лишенного истерического антисемитизма, прикрывающего дремучий антиинтеллектуализм.

При этом Н.Н. Лысенко проявил не только незаурядную интеллектуальную смелость, но и смелость политическую. Ибо заявить такие взгляды в истеричной националистической анитисемитской тусовке тех лет было весьма непросто. Но Лысенко не только сумел заявить о своей позиции. Он сумел ее отстоять, и, более того, занять не оборонительную, а наступательную позицию.

Не обладая неограниченными средствами РНЕ и Русского Собора в целом, НРПР отвоевывала и симпатии националистической массовки, и внимание спонсоров и покровителей у РНЕ и Русского Собора.

У оппонентов не находилось никаких аргументов, кроме бессильной злобной ругани на НРПР, между тем, как национал-республиканцы умно, аргументованно и хлестко развенчивали своих конкурентов.

Одновременно тогда просто гремели подвиги Русского Легиона НРПР, добровольческой военизированной организации партии, набиравшей боевого опыта в Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье, Боснии и Сербии.

Это было тем более выигрышно на фоне тех же баркашовцев, которым их фюрер запретил участвовать в подобных войнах в качестве добровольцев. Понятно, зачем прикормленному Кремлем нацистскому пугалу реальные дела.

А у НРПР реальные дела были. Более того, мы уже тогда показали, как можно готовить кадры не для клоунады, а для реальной национально-освободительной русской революции.

Да, Лысенко потом потерял партию, потерял сторонников. Но политическое направление, созданное им, продолжает существовать. Пусть и в полузадавленном состоянии.

К сожалению, НРПР не избежала участи русских национальных партий начала 1990-х, и к середине этого десятилетия распалась. Но наследница НРПР _ Партия Свободы Юрия Беляева, где я имею честь состоять, жива до сих пор в качестве межрегиональной общественной организации.

Я не буду здесь писать о своих соратниках по Партии Свободы. Ибо это уже не воспоминания, а дела текущие. Скажу только, что лидер Партии Свободы Юрий Беляев, кстати, непримиримый оппонент Лысенко, один из немногих моих личных друзей. Юрия отличает от Лысенко смелость не только политическая, но и личная. А, кроме того, рыцарственность, которую он умудряется сочетать с политическим профессионализмом.

Ибо он далеко не ангел, а жесткий и прагматичный политический боец.

Логика политических действий вынуждает Юрия общаться с некоторыми «коллегами» и «союзниками», с которыми я сам, не будучи профессиональным политиком (вернее зарабатывающий на жизнь отнюдь не политикой), не то что за один стол, а в один туалет не пойду.

Но «с волками жить, по волчьи выть». Однако, если русской национально-освободительной революции суждено будет все же когда-нибудь победить, то этих «союзничков» надо будет разменять у первой же стенки.

Ибо, как я понял еще по работе в Соборе, у настоящих русских националистов нет врагов более непримиримых, чем красная и евразийско-имперская сволочь.

Они думают, что мы об этом не догадываемся, но они заблуждаются.

Итак, события 1993 года я встретил уже в рядах НРПР. Помню, мы сидели в кабинете у довольно известного политика, ученого-политолога и публициста А. Савельева (ныне депутата Госдумы от «Родины»). Он тогда был депутатом Моссовета.

Мы, это группа аналитиков разных партий национал-патриотического толка, объединенных в некий интеллектуальный клуб с претенциозным названием «Союз возрождения России». Большая часть присутствующих аргументировала тезис о том, что Ельцин на антиконституционные действия не пойдет. Я был одним из немногих, кто цинично утверждал, что если сила на его стороне, то, конечно же, пойдет.

Во время спора мне захотелось в туалет. Я вышел и услышал в коридоре, где было включено радио, как Ельцин зачитывает свой знаменитый указ о разгоне Верховного Совета.

Я отнюдь не возбудился, услышав это известие, а спокойно пошел по своим делам. Когда я возвращался, Ельцин еще читал свой указ.

Войдя в комнату к Андрею, я сказал что-то типа «Коллеги, хватит спорить, он уже пошел на антиконституционный переворот». Андрей включил радио в кабинете, и мы молча дослушали ельцинский указ.

А потом сразу поехали в Белый Дом.

На этом месте я хочу изменить стиль своих воспоминаний. Ибо это не воспоминания как таковые, а некие иллюстрации, показывающие каким опытом я обладаю, какие факты могу знать, и какие выводы вправе из этих фактов делать. Все же я, прежде всего, профессиональный ученый и привык следовать научным методам изложения проблем. Так что предыдущий текст прошу рассматривать как описание условий эксперимента или, модельного участка исследований.

Итак, я не излагаю некоторую последовательность событий, в которых мне довелось участвовать, а привожу самые яркие факты, свидетелем которых (хотя бы косвенным) я был. И которые, на мой взгляд, иллюстрируют наиболее важные моменты.

Итак, одним из первых, кого я увидел, придя в Белый Дом, был Сергей Рыбников, глава московского отделения НРПР, один из руководителей Русского Легиона. Одетый в полувоенную форму, подтянутый и спокойный, он излучал уверенность.

Вот этим, уверенностью и спокойствием запомнился мне этот мой партийный товарищ. Бывший офицер, Сергей был профессионален и аккуратен. И в то же время прагматичен. То, что мы потеряли в этих событиях только одного бойца целиком заслуга Сергея. Он профессионально сберег бойцов Легиона.

Потом мы были вместе с Сергеем в руководстве партии Юрия Беляева, а затем Рыбников ушел из политики в бизнес. И так же спокойно и уверенно сделал пусть небольшую, но довольно успешную карьеру в этой совершенно новой для себя сфере деятельности.

Для чего я привожу этот пример? Только для того, чтобы продемонстрировать оперативность нашего руководства и четкость нашей организации.

А также для того, чтобы читатель понял, откуда у меня информация по ряду следующих эпизодов. Ибо бойцы Легиона в первый же день заняли все внутренние посты. И только на третий день противостояния были в значительной мере сменены баркашовцами.

Итак, поговорив с Сергеем, я попал потом в пресс-центр штаба сопротивления. Где мне и предложили пока работать. Эта первая ночь в пресс-центре запомнилась мне одним интереснейшим эпизодом.

Я сидел один за столом в большой комнате пресс-центра, когда ко мне вошел странно одетый человек. Судя по брюкам и рубашке, это был морской генерал (авиатор или морской пехотинец) или адмирал. Однако его верхней одеждой была турецкая кожаная куртка, скрывавшая погоны. Тогда такая смешанная одежда смотрелась странно. Офицеры, тем более генералы, не имели в те годы привычки одеваться таким образом.

Вошедший обратился ко мне с вопросом: «Как мне найти кого-нибудь из военных?». Я в

меру своей осведомленности объяснил. «Адмирал», как мысленно я его назвал, ушел.

А потом пришел часа через полтора. Удивившись, что снова оказался в той же комнате, он повторил вопрос. Я снова объяснил ему, уже более конкретно, как пройти в кабинет Ачалова, которого к тому времени уже назначили «министром обороны», и кабинет которого охраняли бойцы Русского Легиона.

Через неполный час явно усталый человек вернулся опять ко мне.

— Видите ли, — начал он, — Ачалов никого не принимает, а у меня срочное дело.

— Какое? — спросил я.

— Я начальник штаба авиации Черноморского флота. Судя по всему, без вооруженного столкновения не обойдется. Мы поддерживаем Верховный Совет в борьбе с антиконституционным переворотом и готовы обработать нашими самолетами цели, указанные военным руководством Верховного Совета. Но наши самолеты приспособлены для работы по морским целям. И поэтому я хотел бы получить хотя бы некоторые технические пояснения.

И он пустился в профессиональные рассуждения.

Я прервал его.

— Товарищ адмирал.

— Генерал, — поправил он.

— Товарищ генерал, я всего лишь старший лейтенант запаса и совершенно некомпетентен в проблеме, которую вы поднимаете. Могу посоветовать вам обратиться к депутату Павлову. Он Вас примет наверняка. И он близок руководству нашего Сопrotивления (для себя я именно так называл оборону Белого дома) и найдет возможность свести Вас с нужными людьми.

И назвал номер кабинета Павлова.

Дошел ли генерал до Павлова или нет, я так потом и не удосужился узнать. Скорее всего, все же нет. Ибо этот профессионал наверняка понял из увиденного, что победа так бардачно организованным силам точно не светит. И не стал связываться с заведомо проигравшими.

Почему же новый «министр обороны» не принял такого важного визитера? Это пояснили мне наши ребята, охранявшие в ту ночь кабинет Ачалова.

Передаю их рассказ пока без комментариев.

«После назначения Ачалова министром обороны он явился к себе в апартаменты и потребовал водки и женщину. Мы доставили ему и то, и другое. Водки из ночного ларька и какую-то дешевую проститутку. Он прогулял с ней всю ночь, велел ни в коем случае не беспокоить. В это время ему звонили многие командиры частей, которые открыто предлагали свое содействие. Мы их просили перезвонить утром, записывая их телефоны, которые они давали совершенно открыто. Судя по числу звонков, они открыто называя себя, рисковали сознательно, ибо совершенно очевидно, что большая часть армии поддерживала Верховный Совет. И они не сомневались в победе.

Утром, когда Ачалов проспался, мы доложили ему все. Он обматерил нас, а потом стал пытаться звонить ночным контрагентам. Но телефоны в Белом Доме были уже отключены».

Не проверял и не могу проверить истинность этого рассказа, но я сам ему верю. А этого «красного генерала», толстая рожа которого была действительно поразительно красна, считаю главным убийцей моих товарищей, повинном в поражении защитников Конституции в гораздо большей степени, чем Ельцин, Грачев, Ерин, Куликов и Романов вместе взятые.

Возможно, я не прав. Своего мнения никому не навязываю. Но сам думаю так.

Вообще история с назначением Руцким своих собственных «белодомовских» силовых министров заслуживает того, чтобы рассказать ее. Группа депутатов обратилась к Руцкому с предложением подтвердить от имени Верховного Совета и «нового президента», то есть Руцкого, полномочия ельцинских силовых министров _ Грачева, Ерина и тогдашнего министра безопасности (не помню его фамилии). Таким образом, продажные ельцинские силовики не имели бы личного интереса бороться с Верховным Советом. При любом победителе они оставались бы при своих должностях.

А валять дурака при отсутствии личного шкурного интереса российская сволочь в погонах умеет.

И тогда бы Ельцин проиграл. Потому что чисто политически он имел проигрышную позицию. Ибо Конституционный суд признал тогда его указ о роспуске Верховного Совета противоречащим Конституции РФ.

Руцкой согласился с аргументами депутатов и через полчаса ... назначил «своих» министров. А на возмущенный запрос этих депутатов ответил весьма невнятно.

Это была типичная «глупость либо измена». Впрочем, мне кажется, что все же измена. Ибо в итоге Руцкой весьма неплохо устроился в новой ельцинской России, стал курским губернатором и наслаждался жизнью с молодой женой, третьей по счету.

В то время, как поверившие ему люди гнили в безвестных братских могилах.

Но еще больше укрепил меня в моих оценках один случай, произошедший гораздо позже. Волею судеб мне пришлось участвовать в одном проекте с группой ребят, ветеранов войны в Приднестровье и защитников Белого Дома. Они рассказали мне, что среди их товарищей было несколько раненных в 1993 году. Когда Руцкой стал губернатором, они обратились к нему с просьбой помочь раненым материально и социально.

Руцкой обещал и попросил зайти через неделю. Через неделю Руцкого якобы не оказалось на месте, и их не пустили. Они зашли еще через неделю. И тогда охранник, симпатизирующий им, сказал, что приходить бесполезно. Руцкой распорядился их не пускать и врать про свое отсутствие.

Ребята хотели подстеречь губернатора на дороге и уничтожить. Но запал у бывших бойцов уже был не тот. Покушение так и не организовали.

Опять же, я не могу проверить рассказ этих парней. Но я верю «своим». И не верю «чужим». А ельцинские губернаторы мне чужие. Так что для меня Руцкой грязный предатель.

Как, впрочем, и большинство т.н. «руководителей обороны» Белого Дома. Ибо они, кажется, сделали все возможные «ошибки», чтобы проиграть. Но в такой ситуации это уже не ошибки, а нечто другое _ предательство и заказная провокация.

Чего стоит, например, знаменитый «поход на Останкино». Вдумаемся, на штурм телецентра идет толпа. Но во главе ее стоит все же некоторый вооруженный отряд во главе с Макашовым.

Этот красный генерал начинает штурм. Не может взять телецентр и спокойно уходит вместе со всеми вооруженными людьми. А безоружную толпу оставляет на расправу. Более того, ничего не предпринимает, чтобы остановить другую толпу, идущую к Останкино. Уже явно на убой, который начался. И начало которого он мог наблюдать.

Ну, кто он после всего этого?!! Как можно назвать человека выведшего безоружных людей на пулеметы, и после этого спокойно смотавшегося со своими вооруженными телохранителями. Не пошевелившего пальцем, чтобы спасти безоружных людей от бойни.

И это генерал?!! Это мразь и сволочь. И только придурки могут считать его героем.

Кстати, настоящий герой, генерал Рохлин, искренне презирал Макашова и не хотел его видеть в составе своего движения ДПА. Зато после убийства Рохлина эта красная сволочь оказалась в руководстве ДПА и тут же начала подставлять движение своими дебильными провокационными заявлениями типа того, что «ДПА _ это ДПЖ, движение против жидов».

На этом фоне уже мелочью выглядят совершенно тупые провокации Анпилова и Терехова, которые постоянно призывали что-то штурмовать. Большинство этих попыток было остановлено депутатами – лидерами белодомовского сопротивления.

Но бывшему замполиту Терехову все же удалось организовать «штурм» второстепенного узла связи. В результате которого погибла совершенно не причастная ни к чему женщина.

Разумеется, эта провокация потом активно использовалась ельцинской пропагандой.

Но венцом провокаторской деятельности можно считать два эпизода.

Первый состоялся 27 сентября. Тогда намечалась попытка штурма Белого дома чисто полицейскими силами. Наверняка эта попытка увязла бы в сопротивлении, и Ельцин потерпел бы фиаско. Но ельцинистам была передана дезинформация о том, что в Белом доме находится тяжелое оружие и милицейский штурм будет отбит с большими потерями для нападающих.

Что характерно, этой дезинформационной операцией как подвигом гордятся те, кто ее осуществил. Их панегирический рассказ об этом был напечатан потом газетой «День» (ныне «Завтра»).

Я просто поражаюсь тупости тех, кто этим хвастается и тупости тех, кто не видит саморазоблачения этих героев в их хвастовстве. Неужели не понятно, что вместо рукопашного мордобоя 27 сентября, которое эти «чекисты» предотвратили, они спровоцировали тем самым полномасштабную бойню с применением тяжелого оружия 5 октября, которую предотвратить уже были не в состоянии?!

Но еще большей была провокация РНЕ. Запад долгое время не давал Ельцину добро на расправу с Белым домом. И тогда был проведен знаменитый парад баркашовцев вокруг здания парламента. С нацистскими приветствиями и свастиками.

Этот, с позволения сказать, парад в тот же день был показан по всем западным телеканалам. После этого в течение дня добро с Запада на расправу с защитниками Конституции было получено.

И началась подготовка к провокациям в Останкино, а потом расстрел безоружных людей из танков и крупнокалиберных пулеметов.

Мне тяжело писать обо всем этом. 5 тысяч погибших товарищей не позволят мне никогда забыть о тех днях. Нет прощения убийцам. И нет прощения тем, кто это убийство приветствовал. И режим наследников убийц развалится. Причем развалится кроваво. Ибо проценты на не отмщеную кровь все набегают.

Зря некоторые думают, что закон Кармы ждет следующей жизни. В наше время он работает немедленно. И вот уже один из главных палачей Белого дома, ментовский генерал Романов много лет живет как овощ, взорванный, но не убитый в Чечне.

Да, хороший урок преподнесли палачу наши Боги. Он будет долго мучиться и гнить заживо. И смертное избавление не придет к нему. Пусть подумает о тех девчушках с 14

этажа, которым его озверевшие омовцы засовывали гранаты в промежность. И живет, мочась и испражняясь под себя до тех пор, пока эти девчушки не найдут нужным простить его, там, на небесах.

Но нет прощения и тем, кто предал людей, поверивших им. Тех «вождей», которые проиграли все на свете, кто был глупцом, либо изменником, и кто после всего этого пошел не в монастырь, замаливать грехи, а продолжал наслаждаться жизнью с молодыми женами и любовницами.

Кто после всех этих поражений еще смел числить себя «вождями».

И кто, видите ли, «для пользы государства» «простил» палачей Белого дома и ищет «конструктивного взаимодействия» с их наследниками.

7-го или 8-го октября утром жена протянула мне номер «Московского комсомольца». На первой полосе был броский заголовок типа «Они еще на свободе?!!».

В том списке я значился под четвертым номером.

— Гляди, Михалчик, где ты удосужился отметиться, — со спокойной улыбкой произнесла она, глядя на меня своими холодными голубыми глазами нормандской королевы.

Я навек благодарен ей за это арийское спокойствие.

А Николай Лысенко, приехавший в то время в Москву, сказал мне:

— Знаете, Петр Михайлович, для пользы дела мы от вас откажемся. Скажем, что вы не

состояли в нашей партии. Это нам будет полезно для продолжения политической борьбы. Вы согласны со мной?

Я молчал и спокойно улыбался в ответ.

Я не испытывал к нему злобы за это предательство. Но не испытывал и никаких теплых чувств за преподанный урок практической политики.

Ледяной холод и равнодушие были в моем сердце.

Но если мне когда-либо волею наших Богов доведется обладать властью, пощады от меня патриотическая сволочь не получит.

4. Мой генерал. Отдельной строкой

После покушения на Юрия Беляева в 1994-м году и фактического удушения нашей Партии Свободы (тогда она еще называлась НРПР Беляева) приложить силы в общественно-политической деятельности мне было некуда.

Однако, я приобретал все больший опыт в журналистике. Первые пробы пера были довольно успешны. А, кроме того, в журналистике очень пригодился мой профессиональный опыт как системного аналитика. Ибо с 1981 года я работал во Всесоюзном институте системных исследований АН ГКНТ и Госплана СССР (ныне Институт системного анализа РАН).

Этот опыт аналитической работы несколько раз помогал мне делать маленькие сенсации. Так, не зная ничего о реальных фактах, я «на кончике пера» почти дословно угадал вопросы, обсуждавшиеся на тайной встрече Лужкова, Явлинского и Лебедея. А потом так же угадал готовившуюся, но не состоявшуюся тогда, отставку Черномырдина.

В итоге я оказался приглашен в аналитическую службу РИА «Новости».

Поэтому на первый учредительный съезд Движения в поддержку армии (ДПА) осенью 1997 года я пришел, как представитель РИА «Новости». Выступление Рохлина приятно удивило меня. В целом оно не отличалось от многочисленных выступлений лидеров тогдашней оппозиции, которых я искренне презирал.

Но это только в целом.

В выступлении содержалось несколько тезисов, которые, будучи выделены внимательным слушателем и сопоставлены друг с другом, позволяли сделать вывод, что генерал собирается не болтать, а брать власть силовым способом.

Такая смелость (фактическая заявка на силовое взятие власти) и глубочайший ум (умение запрятать эту заявку так искусно) покорили меня. Кроме того, Рохлин производил впечатление интеллектуала и эрудита. При этом оставаясь типичным военным в лучшем, уже забытом, понимании этого термина.

Повторяю, я был просто очарован масштабом этой личности. Никогда ни до, ни после этого мне не довелось встречаться с человеком такого уровня. Человеком, который, по моему мнению был недооценен современниками именно потому, что возвышался над ними как альпийский пик над пригорками. Тупые людишки России конца 1990-х просто не могли так высоко задрать головы, чтобы увидеть и понять рядом с кем они имеют честь находиться.

Я написал статью, комментирующую этот съезд. И, с согласия своего руководства в РИА «Новости» сдал ее в некоторые газеты.

Статья попала в аппарат Рохлина. Мне предложили встретиться. Звонил сотрудник пресс-службы генерала полковник А. Волков. Я пришел, принес с собой одну аналитическую записку, которую написал по заказу одной банковской структуры. Записка была посвящена деликатному вопросу исследования различных вариантов силового взятия власти в России.

Судя по всему, и мои комментарии о съезде и моя записка понравились Льву Яковлевичу. На следующий день он запросто позвонил мне домой сам и пригласил придти к нему. Я с энтузиазмом согласился.

И принес на встречу еще ряд своих записок о кризисных явлениях в экономике страны и о возможных последствиях некоторых нестандартных шагов в предкризисной ситуации.

Генерал пришел в восторг.

— Предлагаю Вам стать моим штатным сотрудником, — без лишних предисловий предложил он.

— Лев Яковлевич, — ответил я, — работать с Вами большая честь для меня. Но давайте, я буду сотрудничать с Вами не официально. Это даст нам определенные возможности. Ведь журналистика, тем более т.н. «закрытая журналистика» сродни работе спецслужб. Зачем орать на весь мир о моем сотрудничестве с Вами.

— Согласен, — тут же согласился генерал.

Вообще, это был поразительно неординарный человек. Явно военный профессионал высочайшего класса. Со всеми присущими его корпорации чертами. И в то же время поразительно демократичный. Причем, не внешне, а внутренне. Способный мгновенно понять мысль собеседника и, если находил ее правильной, столь же мгновенно изменить свое мнение, не оглядываясь на личные амбиции.

Вот такой удивительный человек, жесткий, волевой, целеустремленный, и в то же время интеллектуальный, эрудированный, демократичный, до предела простой в общении.

Уже после, когда я уехал из Москвы, то волею случая встретился в своем городке с замполитом разведроты в полку Рохлина во время войны в Афганистане.

Рассказ этого человека я привожу здесь, ибо он очень точно характеризует генерала.

«На всю жизнь я запомнил самый драматичный момент и в своей жизни и в жизни Рохлина. Тогда полк получил приказ наступать на базу душманов вдоль ущелья.

Сомнения Рохлина относительно целесообразности такой операции были отмечены командованием.

— Все узлы сопротивления будут подавлены авиацией. Вам только трупы собирать останется, — заявили ему.

Авиация действительно поработала усердно. Бомбардировщики ТУ-16 несколько часов буквально утюжили ущелье. Однако, эффективность ковровой бомбежки в горах невелика. Никаких узлов сопротивления в местности, изобилующей пещерами, таким методом не подавили.

И полк попал в огненный мешок.

Командир с трудом вывел своих людей из-под огня. Потери были огромными. Я, находясь со своей ротой в авангарде, выжил только чудом.

— Я не имею права дальше жить, — сказал после этого Рохлин и вынул пистолет.

Два присутствующих рядом офицера буквально повисли на руках у будущего генерала, не дав ему застрелиться. Я был свидетелем этой сцены и до конца жизни запомнил

глаза Рохлина. Человека, несомненно, волевого и властного, прирожденного полководца. Но в тот момент эти глаза были наполнены такой болью и такой мукой осознания своей ответственности за каждого погибшего, что бывалым офицерам, что говорить, людям, изрядно очерстневшим душой, делалось не по себе.

Но еще больше поразил меня Рохлин, когда по полку прошел слух о дальнейшем поведении будущего генерала. На разнос приехавшего маршала, гневно вопрошавшего:

— Как же ты наступал?!!

Рохлин смело ответил:

— Как вы приказывали, так и наступал.

После этого, мужественного командира демонстративно унизили в присутствии подчиненных, объявив ему о снятии с должности перед строем его полка.

И, тем не менее, без таких, как Рохлин, невозможно воевать в принципе. И подполковник стал-таки полковником, а потом и генералом.

Никогда, ни до, ни после этого, я не наблюдал такого мужества у своих коллег. Можно быть смелым в бою. Этого у нас пока еще хватает. Но я ни разу не видел человека, настолько смелого перед начальством. Вот таких у нас после Рохлина не было и нет».

Этот рассказ я потом включил в одну из своих книг. Но это не выдумка романиста, а реальный рассказ реально существующего человека, подполковника В.А. Толстова. Я только несколько изменил стиль рассказа Владимира Алексеевича.

Однако, вернемся к нашему повествованию. Политическая аналитика действительно сродни работе спецслужб. Те, кому это было надо, не раз передавали через меня генералу конфиденциальную информацию.

Так, мы разоблачили первую попытку коммунистов «сдать» генерала в обмен на места для красных в правительстве. После поднятого скандала Селезнев с Зюгановым уже не могли тут же повторить попытку предать генерала.

Однако неприкрытая ярость Селезнева, комментирующего эти разоблачения в СМИ, была лучшим подтверждением того, что мы попали в точку.

Генерал был опасен красным. Опасен больше, чем Ельцин. Ибо звезда Ельцина клонилась к закату. А Рохлин вполне мог взять власть. И к левым он относился более чем прохладно. Тут, по-моему, помимо всего прочего, сыграли роль и гены, и воспитание.

Ибо Лев Рохлин был воспитан своим дедом, казачьим урядником Красновым.

Насколько близок Рохлин был тогда к власти, любой умный человек может догадаться хотя бы на основе следующего факта. Рохлина убили в начале июля, а в августе разразился дефолт. Представь себе, читатель, чем мог закончиться этот дефолт, если бы при этом был жив Рохлин со своей ДПА и фактически подчинившимися ему добровольно всеми стачками страны.

Его реально рассматривали как будущего диктатора многие политические прагматики. Так, в 11 часов того самого дня, когда его убили, он должен был встречаться с Лужковым.

А о встрече с Лукашенко умолчу. Но мы в окружении генерала все о ней знали.

Впрочем, генерал не ждал дефолта. Начало решительных действий было намечено на 20 июля. Этому должно было предшествовать блокирование столицы по широкой окружности (на расстоянии 70-150 километров от МКАД) силами стачечников, которые подтянулись бы к Москве, идя к ней колоннами по типу знаменитого «марша на Рим» Муссолини. Некоторые сведения об этом потом просочились вовне. Так один западный корреспондент как-то уже в начале 2000-х годов спросил меня:

— А знаете ли вы о знаменитой карте Рохлина?

— Знаю, — ответил я, — сам рисовал.

Однако вернемся к нашему повествованию. К концу июня уже было очевидно, что Рохлина сдали красные. Они согласились со снятием генерала с должности главы комитета по обороне. Но его сдали и почти все генералы из ДПА. Эти отставники были связаны с красными и фактически выполняли их волю, а не волю Рохлина.

Между тем, сами красные координировали свои действия с Кремлем.

Я, и не только я, многократно докладывали генералу, что его окружают изменники. Он это понимал, но говорил, что не может сейчас, в преддверии решающих событий порвать с красными. В протестных массах их влияние было сильно. И разрыв с ними несколько дезориентировал бы массы в преддверии решающих событий. Генерал говорил, что такая дезориентация совершенно неприемлема в данной ситуации.

И он был прав.

С другой стороны красные тоже не могли позволить себе открыто интриговать против популярнейшего Рохлина в массах (уточним, именно в массах, а не в Кремле). Поэтому сложилась в некотором роде патовая ситуация. Которая разрешилась бы сама собой с началом активных действий.

К сожалению, нас опередили.

Последний «слив информации» о том, что ему не только изменили, но и готовят покушение, я передал ему за два дня до роковых событий.

— Лев Яковлевич! Уйдите на дно. Ведь без вас все рухнет, — взмолился я.

— Я не могу уйти на дно. Тогда я не буду иметь морального права отдавать вам приказы 20 июля. Или ты думаешь, Петр, что все это будет так легко и безопасно?

— Нет, — ответил я. _ Но, Лев Яковлевич, эти предатели, связанные с красными, мастера подковерной борьбы. Они вас элементарно переиграют. Надо как-то сломать им игру.

— Когда мои БТРы будут стоять на Красной площади, я скатаю все ковры в России и засуну их в жопу всем мастерам подковерной борьбы. Веришь мне, Петр? _ спросил он меня.

Как будто пружиной меня подбросило с места. Вскинув руку в каком-то неведомом приветствии, я заорал:

— Верю, мой генерал!

Лев Яковлевич искренне засмеялся.

Через день его убили.

Подло, ночью, спящего.

С самого начала наши люди установили, что генерала убили трое, затаившиеся ночью на чердаке его дачи. Потом их самих ликвидировали в близлежащей лесопосадке. А трупы попытались сжечь. Но до конца не сожгли.

Потом «правоохранители» говорили, что трупы трех мужчин спортивного телосложения, найденные сразу после убийства генерала в 800 метрах от дачи это «случайное совпадение». И что они там лежали «уже долго».

Ты веришь в это, читатель?

Я, нет.

Тем более, что тогда было очень жарко. Трупы, лежащие на солнцепеке несколько дней в непосредственной близости от поселка, провоняли бы всю округу и не остались бы незамеченными. Тем более, что в поселке полно собак, весьма чутких к такому соседству. Значит, трупы появились именно в день убийства.

Было еще масса нестыковок в официальной версии убийства. Все эти нестыковки многократно предоставлял прессе помощник генерала А. Морозов.

[Продолжение следует](#)